

Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская

Российские ритмы социальной истории

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л.И. Новикова**
Российские ритмы социальной истории / Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская – М.:
Книга по Требованию, 2020. – 194 с.

ISBN 978-5-458-69763-7

В книге предпринята первая в отечественной литературе попытка рассмотреть на основе циклично-волновой теории развития ритмы российской истории. Предметом исследования нами принято российское самодержавие как модель власти и общества, полностью завершившая свой цикл развития. Исходя из идеи цикличности, принятой в качестве парадигмы моделирования исторического процесса, авторы исследовали его геополитические и социально-культурные факторы. В связи с этим в анализ включен широкий круг вопросов: смуты, реформ и контрреформ, модели модернизации, формы гражданской оппозиции и противостояния народа власти. Книга может быть рекомендована специалистам, работающим в сфер социальной философии и политологии.

ISBN 978-5-458-69763-7

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

связано понятие *исторической памяти*, или *социально-культурного генотипа*. Таким образом, социально-историческое развитие общества есть органический процесс. И насилие над ним мстит «прорабам перестроек», не пожелавшим считаться с ее законами. Это во-первых.

Во-вторых, органичность исторического процесса отнюдь не сводит его к ползучей эволюции, или «историоизму» в его критической интерпретации К. Поппером. Он имеет точки роста, бифуркации, которые предполагают перерывы постепенности, происходящие в форме ли реформации общественных отношений, или, если время для реформ упущено, в форме радикальных революций. В случае, если общество в силу тех или иных обстоятельств оказывается выбитым из колеи, оно вступает в состояние хаоса — Смуты, исход которой до конца остается неопределенным. Общество либо впадает в стагнацию, в состояние длительного застоя, таящего угрозу аннигиляции, либо, наконец, сумев преодолеть Смуту, хотя и с потерями, завершив один цикл своего развития, начинает новую стадию, собирая и актуализируя «обломки прошлого». Таким образом, историческое развитие общества имеет циклически-волновой характер. Это отмечали многие философы истории от Дж. Вико и Б. Паскаля до О. Шпенглера, от Н. Я. Данилевского до Н. Д. Кондратьева и П. Сорокина.

В-третьих, история имеет открытый характер. Она пробует себя в разных направлениях, не предрешая, какой из них окажется более жизненным, отвечающим обстоятельствам. В свое время Герцен писал: «Если прогресс — цель, то для кого мы работаем? Кто этот Молох, который по мере приближения к нему тружеников вместо награды пятится и, в утешение изнуренным и обреченным на гибель толпам, которые ему кричат: *Morituri te salutant* («Осужденные на смерть приветствуют тебя» — лат.), только и умеет ответить горькой насмешкой, что после их смерти будет прекрасно на земле?»⁴. Что впереди? Это, по мысли современного философа истории А. Тойнби, будет зависеть от адекватности и оригинальности «ответа» страны и ее народа на «вызов» истории. Причем этот «вызов» может произвестись как изнутри самого общества, так и извне, «ответ» же и его характер целиком зависят от воли государства и жизнеспособности его народа⁵. Неспособность к адекватному, более того, *упреждающему* ответу лишает народ данного общества, по определению Л. Гумилева, пассионарности, т.е. жизнеспособности и, со временем, выводит его из числа исторических народов.

Так будущее России начинается не завтра, оно началось *вчера* и обусловлено всем прошлым страны, ее историческим основанием, наиболее радикальными пережитыми ею метаморфозами, ее совре-

менным положением в мире, наконец, системой ценностных ориентаций, исповедуемых народом. Поэтому мы не можем перечеркнуть прошлого, будь то самодержавие или советский строй, ибо в них зашифрован генетический код общества. Впрочем, мы не можем и повернуть его вспять. Мы можем лишь дать на него достойный ответ, используя, в частности, и его культурные и конструктивные ресурсы. Но они растворены в суете повседневности. Однако до чуткого слуха пророков, поэтов и философов, а также крупных общественных и политических деятелей доносится эхо будущего, направляющего, наподобие компаса, их творчество. При этом, несмотря на перерывы непрерывности исторического развития, а также бесцельность исторических флюктуаций, история страны, общества протекает в едином историческом времени, которое, как отмечал Н.А.Бердяев, отнюдь не совпадает с историцизмом. «Историческое время — ноуменально». Подход к ноуменально «историческому» возможен через конкретную связь между человеком и историей, судьбой человека и метафизикой исторических сил. «Для того чтобы проникнуть в эту тайну «исторического», я должен прежде всего постигнуть это историческое и историю, как до глубины мое, как до глубины мою историю, как до глубины мою судьбу»⁶. И только в связи времен, осуществляемую в преемственности поколений, живо государство, жив народ (нация). В случае забвения прошлого это будут уже другое государство и другой народ, или их просто не будет. Тем более опыт истории в его концентрированном виде должен быть ведом тем, кто наделен властью оказывать влияние на ее развитие. Историческая память и историческое мышление — непременные качества любого политического деятеля, претендующего на влияние на исторический ход развития страны и мира. Вот почему моделирование включает и субъективный момент, характеристику тех, кто *делает историю*.

Возвращение к прошлому на основе социально-философского подхода во имя прогнозирования будущего, в отличие от исторической науки, не требует реконструкции исторического процесса в его полном объеме, хотя в определенной мере и опирается на него. Более продуктивным здесь является *метод социально-исторического моделирования в заданной парадигме*, в частности принятой нами *парадигме цикличности*. Это предполагает известное упрощение модели по отношению к моделируемому объекту. Наконец, одной из ключевых характеристик моделей является их открытость, вследствие чего модель сама в процессе познания может стать объектом познания иreinterpretации. Назначение модели и состоит в конструктивном познании моделируемого объекта или системы и полученного на основе этого знания об управлении ими.

Ныне, как нам представляется, моделирование, обогащенное новыми технологиями и идеями постнеклассической науки и философии — идеей конструирования реальности, «мягких» технологий, в том числе исторического циклизма с его принципом непредопределенности исторического процесса, — приобретает черты *общенаучного метода* и в частности метода социально-исторического познания. В этом контексте нами и предпринято моделирование социально-исторического развития России в парадигме ее циклически волнового развития.

Опыт убедил нас, что по отношению к социально-историческим наукам метод моделирования оказывается не только уместным, но необходимым, во-первых, потому, что объект их слишком сложен и его познание нуждается в ограничении или определенном упрощении, во-вторых, потому, что в социально-исторических науках мы всегда имеем дело с *ускользающим объектом*: это либо постоянно деформирующиеся социальные структуры, которые непрерывно подвергаются сознательному изменению людьми, причастными к системе управления, либо деформируются вследствие «коллективного эффекта сложных систем»⁷, в том числе отношения народных масс к этим изменениям. И чтобы представить эти *ускользающие отношения*, нужно на время остановить процесс, причем в допустимый момент, когда он сам находится в состоянии стабильности, что облегчает возможность, не исключая их, путем моделирования на время «вывести их за скобки». И, в-третьих, в исторической науке объект представлен в форме текстов, или памятников культуры, которые требуют от социально-исторического познания соответствующей их интерпретации в контексте своего времени, переинтерпретации в свете современного знания и последующей «сборки» в правдоподобную модель.

Наряду с этим социально-историческое моделирование допускает и введение условных, утопических или виртуальных констант с целью «проигрывания» их реализуемости в социальной реальности. Исторически они появляются, как только человек становится способным к критическому осмыслению мира, в котором живет. Свое стилистическое начало они берут от «Утопии» Т.Мора и «Города солнца» Т.Кампанеллы. Сначала утопия выступала как ирреальное воплощение мечты о лучшей жизни, позднее она вбирает в себя черты созданного критическим разумом общественного идеала или его фальсификации, а еще позднее — способов его реализации, приобретая функцию своеобразного социального конструкта. Примером таких утопических моделей в России могут служить сочинения и проекты М.Бакунина, П.Кропоткина и др. анархистов. При этом, однако, как подчеркивает В.Г.Федотова, моделирование, чтобы оставать-

ся в рамках рациональности, предполагает: 1) недопустимость принимать теоретические конструкты за реальность и действовать в соответствии с ними и 2) плюрализм концепций как способ объяснения различных типов или аспектов действительности⁸.

Социально-историческое познание, моделирование в частности, так или иначе всегда сопряжено с социальным действием, ориентированным на интеллектуальное или практическое овладение процессом, и даже, независимо от намерений познающего субъекта, его конструирование.

Социальное знание как конструирование реальности имеет дискретный и обусловленный своим временем характер: строя познавательную модель реальности, в духе гетеевского Фауста, оно вынуждено прервать непрерывный социальный процесс. И это «мгновение молчания», неопределенности, как правило, является поворотным пунктом в дальнейшем развитии как самой реальности, так и ее познания. Трудность социального познания, в том числе метода моделирования, обусловлена и крайней сложностью социальных систем, которые ни на минуту не прекращают своего изменения, как в результате бессознательного «делания» ее непосредственными действующими лицами, народными массами, вследствие чего и образуется «коллективный резонанс», так и в результате «сознательного» конструирования и реконструирования реальности историческими деятелями и социальными группами. Это значит, что любые социальные модели остаются открытыми для последующих поисков и реинтерпретаций, тем более, что каждый новый подход не только открывает нечто новое в исследуемой им реальности, но и вносит в нее что-то свое. При этом, воспроизводя модель прошлого, современный человек воссоздает ее «исправленный» настоящим прообраз. Отсюда живучесть многих социальных моделей, таких как «русская идея», «евразийство», «русский социализм» и др.

Создание итоговых *теоретико-познавательных моделей социально-исторической реальности*, что является целью философско-исторического знания, требует не только тщательного «прочтения» текстов прошлого, но и их *тройной интерпретации* и реинтерпретации: в контексте прошлого и настоящего знания и проецировании их на будущее. Метод моделирования позволяет, в частности, вскрыть *циклический, волнообразный характер исторического процесса*. И в свою очередь представить модель такого развития в ее историческом контексте.

I.2. Циклизм как парадигма социокультурного моделирования истории

В качестве исходного понятия для определения циклизма как становящейся парадигмы социально-исторического развития примем определение циклов истории, предложенное в 1991 г. А.С.Ахиезером: «*Циклы истории* — более или менее ярко выраженные повторения в истории, колебания, пульсация тех или иных важных массовых характеристик общества. Их существование объясняется приобщением общества к природным ритмам, общим закономерностям сложных систем, их постоянной самопроверкой на прочность через периодическое приближение сложной социальной системы к некоторым крайним, реально или потенциально критическим, возможно предкатастрофическим ситуациям. Циклы истории — механизм реагирования на всякие значительные изменения рывками в обратном направлении, т.е. форма *инерции истории*, консервативный механизм сохранения общества в неизменном состоянии через изменения»⁹. Отметим, однако, что за идеей циклизма стоит большая история превращения ее в парадигму социально-исторического развития, *именно развития на основе устойчивого архетипа*, а не только консервации исторического процесса. Большой вклад в реинтерпретацию этой истории вплоть до превращения циклизма в парадигму внес Ю.В.Яковец¹⁰.

Циклизм является одной из древнейших идей социокультурного развития человечества в связи с природой и космосом и одновременно становящейся парадигмой современного научного мышления. Своими корнями он уходит в древнюю мифологию, образцом которой в этом отношении может служить древнеегипетский миф об умирающем и воскресающем Боге, чьему на протяжении веков соответствовали аграрные циклы практической деятельности людей, их образ жизни и мышление.

Не обошла идея цикличности и русскую общественную мысль. Более того, в ее развитии можно выделить *четыре этапа*: древний, классический, или философский, научный и современный.

Изначально в русской общественной мысли предпринимались попытки как образного, так и абстрактного осмысления идей циклизма. К ним с полным основанием следует отнести учение **Кирилла Новгородца** (XII в.). В книге «Учение о числах» этот самобытный математик древности помимо сложнейших математических исчислений и на основе их приходит к философскому выводу о цикличности развития Вселенной и всего, что охвачено ею. При

этом спираль циклической бесконечности уходит в вечность¹¹. К сожалению протофилософские идеи русской мысли надолго были погребены под развалинами татаро-монгольского нашествия, а позже под прессом византизма.

Внимательное прочтение «Слова о полку Игореве» позволит услышать в речи князя Киевского Святослава предупреждение Игорю о *несвоевременности* его похода и потому обреченности его. Игорь затеял поход *не в урочное время*, когда неблагоприятный исторический цикл для Руси не завершился. Об этом предупреждает и солнечное затмение. И вместе с тем *со временем* великое прошлое должно вернуться «на круги своя», исправив неуместную поспешность действий Игоря в будущем.

Основоположниками школы русского классического циклизма в новое время стали, как известно, русский ученый-естественноиспытатель Н.Я.Данилевский и К.Н.Леонтьев¹². Вместо теории прогресса, который явно не благоволил к России, Данилевский в своем труде «Россия и Европа» предложил новую, циклическую парадигму. В концепции Данилевского история человечества предстала как развитие отдельных замкнутых культурно-исторических типов. Каждый из них реализует по преимуществу одно из жизненных начал цивилизации: *религиозное, собственно культурное, охватывающее науку и искусство, государственно-политическое и социально-экономическое*. Связь между историческими типами, возникшими в разное время, может проходить лишь в трех формах: «колонизации», «прививки», «удобрения». Подробно анализируя романо-германскую цивилизацию и становящуюся славяно-российскую, Данилевский решительно протестует против таких форм их взаимосвязи, которые низводят Россию до уровня колонии, в то время как ей уготовано великое будущее: быть может, именно она возвысится до полной, «четырехосновной цивилизации». Впрочем, мыслитель не отказывается от идеи прогресса вообще, но наполняет это понятие иным содержанием. «Прогресс (...) состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении (в таком случае оно скоро бы прекратилось), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях»¹³. И лишь спустя 48 лет О.Шпенглер пришел к аналогичной парадигме цикличности в своем труде «Закат Европы» (1918), оцененной более продвинутой западной публикой как последнее слово философской мысли.

Идеи Данилевского получили свое развитие в работах другого русского естествоиспытателя, обратившегося к философии истории — К.Н.Леонтьева. В своем труде «Византизм и славянство» по анало-

гии с живой природой он четко формулирует триединый закон цикличности *как универсальный*, которому подчиняется развитие живых организмов и социально-культурных миров. Все они в своем развитии проходят три стадии: 1) *первичной простоты*, 2) *цветущей сложности* и 3) *вторичного смесительного упрощения*. Причем, подчеркивает исследователь, в состоянии смесительного упрощения, или стагнации, организм, в том числе социальный, может просуществовать достаточно долго, пока не сойдет в небытие.

Философским завершением парадигмы классического циклизма на русской почве стали труды Н.А.Бердяева. К идее циклической закономерности исторического развития он обращается в работе «Смысл истории», написанной на рубеже 20-х гг. Согласно его концепции все культуры и все общества переживают в своей судьбе определенные периоды: период зарождения, детства, возмужания, высшего расцвета и, наконец, период старости, одряхления и смерти. Исторические стадии развития Бердяев сопоставляет с четырьмя эпохами: варварство, культура, цивилизация и религиозное преображение. Эти периоды не обязательно разделены во времени, они могут сосуществовать: так в цивилизации могут прорастать элементы варваризации, происходит «угашение духа» и цивилизация теряет источник своей жизненности. Бердяев не приемлет капиталистическую цивилизацию за то, что она разрушает *духовные основы хозяйства*. «Труд перестает быть духовно-осмысленным и духовно оправданным и восстает против всей системы. Капиталистическая цивилизация находит себе заслуженную кару в социализме»¹⁴.

Обращаясь к характеристике социализма, который он изначально исповедывал, Бердяев замечает, что социализм в опыте осуществления своего будет совсем не тем, к чему стремятся социалисты. Он вскроет новые внутренние противоречия человеческой жизни и сделает невозможным осуществление задач, поставленных социалистическим движением. Социализм «никогда не приведет человека к богатству, не осуществит равенства, а создаст лишь новую вражду между людьми, новую разобщенность и новые неслыханные формы гнета»¹⁵.

В одной из поздних своих работ, «Опыт эсхатологической метафизики» (1947), Бердяев приходит к идеи завершения философии истории универсальной парадигмой цикличности. Достойное разрешение социальных проблем человека в истории возможно только на почве эсхатологии, т.е. как конец земной истории и ее завершение в вечности, в Царстве Божием. Но разрешение их не придет ни усилиями человечества, ни милостью Божией. Оно «уготовляется человеком», зависит от его сотрудничества с Богом. Только такое сотруд-

ничество способно прорвать жесткие законы необходимости «падшего» мира и послужить зародышем нового *меона*, т.е. возможного начала нового просветленного Богом жизненного цикла. Но возможен и другой конец истории, в случае если человек в своей прагматической деятельности исчерпает их духовные потенции, бытие превращается в *укон* — т.е. полное и абсолютное небытие.

Если концепции Данилевского, Леонтьева, Бердяева имели философский характер, то дальнейшее развитие обозначенной ими парадигмы осуществлялось на фоне научной революции конца XIX — начала XX века. В этой атмосфере происходит формирование *научной школы русского циклизма*.

В начале ХХ в. **В.И.Вернадский** выдвинул идею космических эпох, согласно которой в современной космической эпохе скрыты остатки прежних. История Земли имеет космическое происхождение и потому постоянно испытывает на себе их воздействие. Крупным переворотом в истории Земли, согласно Вернадскому, стало формирование биосферы и появление *человека разумного*. Начав свою деятельность с приспособления к природным условиям, с началом индустриальной эпохи «человек разумный» переходит к безудержной эксплуатации природных ресурсов («нельзя ждать милостей от природы, взять их — вот наша задача»). Однако со временем он приходит к сознанию, что ресурсы Земли не беспредельны и ее эксплуатация ставит под угрозу само существование биосферы. Истощение одних ресурсов ведет к кризису и одновременно к усиленным поискам новых источников жизнеобеспечения человечества. Отсюда ритмичность, полнообразность в его хозяйственном развитии. Только превращение биосферы в *ноосферу* — сферу разума¹⁶ — может спасти жизнь на земле и сделать ее пригодной для существования человека. «Мы переживаем в настоящее время исключительное проявление живого вещества в биосфере, генетически связанное сотни тысяч лет назад *Homo sapiens*, создание этим путем новой геологической силы, *научной мысли*, резко увеличивающей влияние живого вещества в эволюции биосферы. Охваченная всецело живым веществом биосфера увеличивает, по-видимому, в беспредельных размерах его геологическую силу, и, перерабатываемая научной мыслью *Homo sapiens*, переходит в новое состояние — *в ноосферу*»¹⁷. Этот процесс носит волнобразный характер. Поэтому различные цивилизации в своем историческом развитии не остаются неизменными. Исчерпав свой потенциальный запас материальных и интеллектуальных ресурсов, они либо впадают в стагнацию и уступают место дочерним или иным, более жизнеспособным цивилизациям, либо подвергаются радикаль-

ной перестройке путем мобилизации внутренних ресурсов и достижений мирового научного разума. Поэтому, замечает ученый, «цивилизация «культурного человечества», поскольку она является формой организации новой геологической силы, создававшейся в биосфере, — не может прерваться и уничтожиться, так как это есть большое природное явление, отвечающее исторически, вернее геологически, сложившейся организованности биосферы. Образуя ноосферу, она всеми корнями связывается с этой земной оболочкой, чего раньше в истории человечества в сколько-нибудь сравнимой мере не было»¹⁸.

Идею влияния космического циклизма на жизненные социально-культурные процессы исторического развития и повседневной жизни людей развивал и младший современник Вернадского — А.П.Чижевский. Ученый расширил пространственно-временные пределы циклизма и на этом основании восстал против упрощенно обыденного понимания жизни. «Мы привыкли придерживаться грубого и узкого антифилософского взгляда на жизнь как на результат случайной игры только земных сил. Это, конечно, неверно. Жизнь же, мы видим, в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное. (Мы бы сказали, отталкиваясь от идеи самого Чижевского, что жизнь есть явление не только земное, но и космическое.) Она создана воздействием творческой динамики космоса на инертный материал Земли. Она живет динамикой этих сил, и каждое биение органического пульса согласовано с биением космического сердца — этой грандиозной совокупности туманностей, звезд, Солнца и планет»¹⁹. Исходя из своей концепции на основе огромного статистического материала, Чижевский считал, что космо-циклический подход применим и к истории. Причем эпохи концентрации исторических событий совпадают с эпохами максимумов солнцедеятельности; эпохи разряжения совпадают с эпохами минимумов. Это, несмотря на своеобразие и специфичность исторических событий, позволяет предвидеть вероятностные тенденции их развития.

Наряду с экологическим и антропологическим подходами к исследованию циклизма фундаментальное развитие он получил в экономических и социальных науках.

Огромный вклад в обоснование волнообразной цикличности сферы экономического развития внес русский ученый — Н.Д.Кондратьев. Ученый статистически доказал наличие больших волн конъюнктуры промышленной экономики и на примере ряда стран рассчитал временные параметры первых трех циклов. «Мысль о том, что «динамика экономической жизни при капиталистическом строе общества имеет не простой и линейный, а сложный и циклический характер, в на-

стоящее время можно считать общепризнанной»²⁰. Научное подтверждение своей идеи он увидел в трудах экономистов середины века: Ж.Ш.Сисмонди, К.Маркса и своего учителя и друга М.И.Тугана-Бароновского. Все они подчеркивали три важных момента: 1) кризисы в условиях капитализма имеют периодический характер; 2) они органически присущи капиталистическому строю; 3) кризисы представляют *одну из фаз целого капиталистического цикла*, тогда как целый цикл, по всей видимости, слагается из трех фаз (волн): *подъем, кризис, депрессия*. Трудность исследования больших циклов конъюнктуры состояла в том, что они включают в себя средние и малые колебательные циклы, которые, взаимодействуя с большими, усложняют общую картину. Но главное, большие циклы, длительность которых охватывает до 50 лет, могли быть наблюдаемы лишь с конца XVIII до второй половины XIX века. А дальше должна была действовать убедительность расчетов. Согласно этим расчетам *большие циклы конъюнктуры* могут быть описаны как последовательное взаимодействие «повышательных» и «понижательных» волн, разделенных между собой более или менее затяжной депрессией.

Мировой кризис 1929–1930 гг. полностью подтвердил прогнозы Кондратьева и побудил западных исследователей признать его новаторство в исследовании этой проблемы, решение которой создает возможность научного предвидения кризисов и их определенной блокировки. Не случайно один из ведущих экономистов США — И.Шумпетер высоко оценил исследование Кондратьева, присвоив открытym им большим конъюнктурным циклам имя ученого.

Однако важнейшие теоретические исследования ученого в области методологии научного предвидения будущего, имеющие общесоциальное и философское значение, остались за пределами внимания мировой общественности. Центральной в них является идея влияния больших циклов конъюнктуры на различные стороны социально-исторического и культурного развития общества. На этом настаивает ученый. На основе открытого им фундаментального закона цикличности капиталистического производства он выделяет 4 «эмпирических правильности», т.е. производных от него общесоциальных законов-тенденций и тем самым выходит за пределы собственно экономических наук в социально-культурную сферу, что особенно важно для понимания связи (влияния) экономики с социально-историческим развитием общества. Понимал это и сам ученый, выделяя открытые им «эмпирические правильности» курсивом.